

КТО-ТО в Петербурге решил, что 60-летие нападения немцев на Россию хорошо отметить приездом в город почти 100-летней Лени Рифеншталь с ее шедевром фашистской кинопропаганды «Триумф воли». Организаторы открытого концерта Пласидо Доминго на Дворцовой площади решили, что толпе незачем слушать великого тенора, а нужно пить пиво. И потому усилители звука поставили только возле сцены. По всей же площади работали пивные палатки, а во время пения толпа визжала, радуясь взлетающей в воздух гигантской банке «Балтики». К тому же на концерт классической музыки пригнали толпу ОМОНа, и аудитория гораздо лучше слышала громкие разговоры бесцельно коротающих время охранителей порядка. Концертную сцену разбирать не стали, и в следующие дни там проходили рок-концерты, под которые бешеновалась молодая публика. Затем заполнили Дворцовую большими площадками — на историческом фоне расцветал спорт. Ближайшие подворотни на Мойке распространяли «аромат» средневекового города, а арка Генштаба «светилась» лесами и строительной драпировкой: на Новый год подгулявшая толпа подошла к ней, так что расплавилась венчающая арку статуя.

Мастро Гергиев.
Фото Грега Дойла

ГОРОД БЕСНУЕТСЯ, МАЭСТРО РАЗМЫШЛЯЕТ

Валерий Гергиев — герой петербургской культуры

Независимая газ. - 2001. - 30 июня. - с. 4.

«Такое впечатление, что, приходя сюда, я попадаю из Ленинграда в Петербург», — говорил петербургский театралный деятель Роман Федотов на концерте Валерия Гергиева в Большом зале филармонии. Можно, конечно, возмущаться тем, что Гергиев наплеваательно относится к публике, регулярно задерживается с выходом на сцену, затягивает антракты и заканчивает спектакли, когда уже не ходит метро. Но, глядя шире, возникает отчетливое впечатление, что он остался единственным хранителем ценностей культуры города. Выступая на Дворцовой, он понимал, что такой открытый концерт предназначен для массовой встречи с большим искусством. Потому Доминго вместе с Ольгой Бородиной под его управлением исполняли Сен-Санса и Чайковского, а не какую-то площадную поп-программу. А 21 июня Гергиев дирижировал «Страстями по Иоанну» Софьи Губайдулиной, гениальной религиозной музыкой о земном страдании и величии конца света. Может, «Страсти» так же случайно совпали с датой военного юбилея, как, не исключено, случаен и приезд Рифеншталь.

По грандиозному размаху гергиевского фестиваля очевидно его желание создать среду для нормальных людей, адекватную культурному статусу города. Хотя Гергиев благополучно вписывается в городскую элиту, дружит с мэром и сотрудничает с

«Балтикой», реально он оппозиционер, защитник культурной памяти в противостоянии хамскому беспамьятству, строитель будущего, выступающий против тех, у кого нет будущего.

Гергиев — фигура сложная, но судя по его прошедшим только что выступлениям, он пребывает в состоянии поиска и роста. Представление о его своеобразной личности обогащают концерты в рамках фестиваля «Звезды белых ночей». Он еще далеко не исчерпал «юношеский» стиль напористых трактовок, но в его игре уже отчетливо слышны раздумье и созерцание. Пока главной интригой концертов дирижера по-прежнему остается неизвестность. Что предстоит услышать на этот раз — еще одну убедительную законченную трактовку или просто хорошую игру оркестра при правильной, но безучастной интерпретации? К такой несколько необычной среди крупных музыкантов непредсказуемости результата легко привыкнуть на фестивале, когда Гергиев весь месяц каждый день дирижирует все новыми операми и концертными программами. Наблюдение за ним приобретает вкус азарта.

Только за последние дни он продирижировал тремя симфоническими программами. Сначала это был задумчивый Малер (Адажио из 10-й симфонии) и темпераментно романтический Шенберг (ранняя поэма «Пеллеас и Мелисанда») на дневном

концерте в Большом зале филармонии с оркестром Мариинского театра. Вскоре там же Гергиев дирижировал оркестром филармонии. «Эпитафия памяти Хачатуряна» для струнных Эдварда Мирзояна (сочетание неоромантической печали и надрывных восточных интонаций) прозвучала сильно, но «без Гергиева», он просто направляет течение музыки. Через минуту, с началом «Моря» Дебюсси, было ясно, что он выкладывает все. Никакого импрессионизма и пейзажности в его трактовке не было, были драма, столкновение, горячие и полновесные краски оркестра (вспоминая гергиевское «Море» в Москве с БСО 16 лет назад, остается лишь поражаться преодоленной дистанции). Во втором отделении великолепный пианист Александр Торадзе представил российскую премьеру Концерта своего покойного отца, видного грузинского композитора Давида Торадзе. Время словно на скаку остановилось. Концерт взлетал к бурным национальным ритмам на стыке двух его частей, но начинался и заканчивался требующим сосредоточенного внимания Ленто... После чего Гергиев обратился к «Болеро» Равеля. Шокирующе стремительное начало заставило взглянуть на часы — все прошло за 13 минут! Гергиев вдохновенно наслаждался переливами этой партитуры, упиваясь красками и властью ритма (солист-ударник —

Константин Соловьев). Его «Болеро» — это толпа, площадная сцена, набухание и взрыв жизни, полет вперед.

Последний концерт в Мариинском театре включал музыку Стравинского и Скрябина. Скрябинский «Прометей» исполнялся Гергиевым и Торадзе уже не один раз. Соседство со Стравинским акцентировало восприятие на приглушенности красок и графичности этого исполнения. Подарком стало высококлассное исполнение «Царя Эдипа», оперы-оратории Стравинского по Софоклу на текст Жана Кокто в латинском переводе. Прекрасно пели тенор Леонид Захожаев, меццо-сопрано Злата Бульчева, бас Евгений Никитин.

Весь концерт сложился целым. А «Царь Эдип» звучал за долгие годы, наверное, впервые. На завершающемся фестивале прозвучало два совсем новых спектакля, несколько свежайших премьер последнего времени. То, что не успевают выпустить постановщики, Гергиев предлагает в концертном варианте. Это была опять «Снегурочка» Римского-Корсакова и впервые «Турандот» Пуччини. Многим не нравится интенсивность потока гергиевских премьер, то, что они часто выходят слишком «сырыми». И только попав в Питер, можно понять, что в его «сыром» духовном климате маэстро осуществляет жизненно важную миссию.

Санкт-Петербург—Москва